

Следует четко понимать, что составление индивидуальных программ повторения – это, в значительной степени, автономная деятельность, которая не поддается жесткому регулированию и прежде всего, призвана воспитывать у студента чувство ответственности за результаты своей работы. В этом случае уместно говорить лишь о педагогической поддержке со стороны преподавателя. При этом очень важно и студентам, и преподавателю понимать, что работа по составлению индивидуальных программ повторения – это не искусственно привнесенный элемент. Работа должна быть следствием правильно организованной учебной деятельности. Студент должен четко осознавать, что у него всегда есть шанс лучше разобраться в материале, восполнить пробелы, а значит, подняться на одну ступеньку выше в своих знаниях. Такой адаптивно-индивидуальный вариант работы в студенческой аудитории может стать хорошим стимулом для дальнейшего непрерывного самообразования.

БЕКРЕЕВА Ю.В.

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина (Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ЭПИДИГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СУБЪЕКТНЫХ ДИНАМИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ

В рамках когнитивной лингвистики многозначность рассматривается как один из способов организации ментального лексикона человека. При этом в число актуальных задач исследования многозначности входит разграничение лексико-семантических вариантов полисеманта (ЛСВ) и выявление семантического основания для объединения ЛСВ в единую структуру. Особый интерес в данном аспекте представляют группы слов с усложненной семантикой.

Объектом нашего исследования послужила группа английских динамических глаголов, в значении которых присутствуют дифференциальные семантические признаки, конкретизирующие субъект обозначенного действия (процесса). Семный анализ первичного значения глаголов выделенной группы позволил установить два способа репрезентации субъекта в семантической структуре:

1) прототипный способ – включение образно-аналитической семы прототипического субъекта (например, сема «лошадь» в значении глагола *prance* ‘гарцевать’);

2) атрибутивный способ – присутствие семантических признаков, отражающих свойства (атрибуты) предполагаемого субъекта (например, «женский пол» в значении глагола *abort* ‘прекращать беременность’ или признак «усталый» в значении *slog* ‘тащиться’).

На основании указанных способов представления субъекта можно выделить следующие группы субъектных динамических глаголов.

Глаголы с внутренним S-прототипом характеризуются включенной семьей прототипического субъекта, которая, с одной стороны, представляет образ наиболее типичного исполнителя действия (процесса), а с другой стороны, отражает ряд функционально значимых признаков субъекта (категориальная принадлежность, физические и психические свойства субъекта). Отдельную группу формируют производные глаголы, образованные по конверсии от имен со значением «субъект», например, *dog* ‘преследовать’, *doctor* ‘лечить’, *father* ‘производить на свет, создавать’. Данные глаголы мы относим к группе **глаголов с внешним S-прототипом**. Термин «внешний S-прототип» подчеркивает производный характер глагольного слова. Прототипическим субъектом в данном случае является мотивирующее имя существительное. С другой стороны, определение «внешний» указывает на морфологический способ репрезентации субъекта-прототипа в глагольном слове. К третьей группе относятся **глаголы с S-атрибутом**. Семантические признаки субъекта, выделяемые в структуре значения указанных глаголов, носят импликационный, вероятностный характер. В предложении с глаголами данной группы признаки, отражающие определенную физическую или психическую характеристику субъекта, могут получать дополнительную конкретизацию или выноситься в область пресуппозиции.

Специфика семантической репрезентации компонента «субъект» находит отражение на уровне эпидигматических связей в смысловой структуре субъектных динамических глаголов. Рассматривая смысловую структуру системных ЛСВ глагола, принято выделять две основные модели семантической деривации: метафору и метонимию [1, с. 57; 2, с. 157]. Метафора представляет собой категориальный сдвиг. Метонимию можно определить как сдвиг фокуса внимания [2, с. 158–176]. В отношении компонента «субъект» в смысловой структуре субъектного глагола разграничение ЛСВ осуществляется по метафорической модели при дифференциации признаков категориальной принадлежности субъекта. Например, в смысловой структуре глагола *bluster* ‘бушевать, реветь’ ЛСВ 1 содержит признак категориальной принадлежности субъекта «природная стихия»: *The wind blustered through the trees outside. The rain blusters under the roof.*

В ЛСВ 2 возможный исполнитель обозначаемого действия относится к категории «человек»: *James Lambert began to bluster. The government blustered, threatened, and finally publicly admitted that the students were right.*

Метонимия по компоненту «субъект» представляет собой диатетический сдвиг или перераспределение ролей участников ситуации действия. Типичной моделью метонимии является выдвижение объекта в позицию субъекта. Например, *flap* ‘move (wings or arms) up and down, especially in or as if in flying, or (of wings or arms) move

in this way'. Как показывает пример, в словарной дефиниции чередование субъекта и объекта представлено в пределах одного значения. На наш взгляд совмещенный способ определения двух ЛСВ является словарной погрешностью. Вместе с тем допущение такого вида семантизации глагольного значения свидетельствует о типичности и высокой продуктивности данной модели семантической деривации.

Рассмотрим подробнее модели эпидигматических отношений в выделенных подгруппах субъектных динамических глаголов. Для группы глаголов с внутренним S-субъектом характерна метафорическая проекция по подобию с прототипическим субъектом, закрепленным в семантической структуре исходного значения. При этом связующими семантическими признаками для двух ЛСВ выступают признаки, отражающие физические и/или психические характеристики субъекта. Например, в структуре глагола *peck* 'клевать' содержатся два ЛСВ с категориальным значением «есть». ЛСВ 1 включает сему прототипического субъекта «птица». Импликациональная связь действия с образом прототипического субъекта подтверждается данными ассоциативного тезауруса: на стимул *peck* 21 % реакций приходится на слово *bird* и 17 % – на слово *hen* [3]. Предполагаемым субъектом ЛСВ *peck* 2 является человек. Во вторичном ЛСВ актуализацию получают «ассоциируемые импликации», связанные в сознании носителей языка с образом прототипического субъекта «птица, курица» в ситуации действия «eat». Таким образом, в значении ЛСВ 2 содержатся импликациональные признаки субъекта «привередливый», «избирательный».

Для глаголов с внутренним S-прототипом категории «животное» или «природное явление» характерно развитие вторичного значения по метонимической модели с выдвижением каузатора-человека. Например, ЛСВ *gallop* 1 'скакать галопом (о лошади)' и ЛСВ *gallop* 2 'скакать (о всаднике), пускать лошадь в галоп'.

Особенностью многозначных глаголов с внешним S-прототипом является параллелизм смысловой структуры мотивирующего существительного и производного глагола. Сущность эпидигматического параллелизма заключается в том, что вторичное значение производного обозначает действие прототипического субъекта, который может быть назван мотивирующим именем (в первичном или вторичном значении). Например, существительное *butcher* 'мясник' в первом значении определяет представителя профессии, во вторичных ЛСВ значение переосмысливается метафорически ('убийца'; 'неумеха'). ЛСВ глагола *butcher* 1 'резать (скот)', *butcher* 2 'убивать' и *butcher* 3 'портить, работать грубо и неумело' соответствуют выделенным вариантам значения существительного.

Метафорическая проекция в значении глаголов с S-атрибутом прослеживается, главным образом, по категориально-лексической

семе. Например, ЛСВ *chastise 1* определяется по категориально-лексической семе «punish»; ЛСВ *chastise 2* включает категориально-лексической сему «criticize». Признаки субъекта в смысловой структуре глагола с S-атрибутом выполняют интегральную функцию. Предполагаемый субъект в ситуациях действия *chastise 1* и *chastise 2* идентифицируется по признаку «суровый».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зализняк, А.А. Многозначность в языке и способы ее представления / А.А. Зализняк. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
2. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
3. Edinburgh Association Thesaurus [Electronic resource] / Science and Technology Facilities Council. – 2010. – Mode of access : <http://www.eat.rl.ac.uk/>. – Date of access : 15.01.2015.

БОБЫЛЕВА Л.И.

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова (Беларусь)

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ УСЛОВИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сегодня на смену традиционному пониманию культуры как совокупности материальных и духовных достижений общества пришло расширенное толкование этого термина. Он включает все исторические, социальные и психологические особенности этноса, его традиции, взгляды, моральные ценности, условия жизни, т.е. все стороны бытия и сознания, а сам человек признается и субъектом, и объектом культуры. Понятие «коммуникативная компетенция» вытесняется понятием «межкультурная коммуникативная компетенция» (МКК). Под последней подразумевается ориентация неносителя языка на культуру страны изучаемого языка. Успешное использование фоновых знаний о культурно обусловленных коммуникативных особенностях иностранного адресата, учет имеющихся межкультурных коммуникативных расхождений в процессе общения с носителями данного иностранного языка способствуют установлению более тесного контакта с речевым партнером и позволяют избежать сбоев, а порой и провалов в процессе коммуникации.

Понятие МКК, распространявшееся ранее лишь на национально окрашенный языковой материал, на иноязычные реалии, существенно расширилось. В современной трактовке МКК предполагает владение: